

УДК 130.2

Проценко О. П.

Харьковский национальный университет
строительства и архитектуры

Мурадян Т. Т.

Харьковская государственная академия
дизайна и искусств

ФЕНОМЕН ДОМА: КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ И МОРАЛЬНЫЕ ПРИТЯЗАНИЯ ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТОВАНИЯ

Проценко О. П., Мурадян Т. Т. Феномен Дома: культурные смыслы и моральные притязания повседневного бытования. Статья посвящена анализу дома как социокультурного явления, воплощающего в себе единство антропологического, утилитарно-прагматического и морально-этического. Показано, что Дом был и остается основой для культивирования повседневного бытования человека. Он представляет собой ту незаменимую основу, на которой с момента его возникновения развертывается жизнь семьи, происходит реализация основных потребностей и переживаний людей (родство, ностальгия, гостеприимство, творческие искания). Представлен анализ повседневности как модуса проживания человеком своей собственной жизни через сравнение с праздничными и экстремальными ситуациями как ее относительными противоположностями. Показано, что Дом в прямом и метафорическом значении конституирует повседневность, транслирует аксиологику, выступая в социокультурной реальности одновременно и коммуникатором, и регулятором поведения людей. Дана интерпретация «создания» дома в персональном архитектурном проекте, в частности, «Дома с химерами» В. Городецкого, «самого прекрасного дома в Америке» Т. Джефферсона и дома-музея М. Волошина.

Ключевые слова: феномен Дома, социокультурная реальность, духовно-практические детерминанты Дома, повседневное бытование людей.

Проценко О. П., Мурадян Т. Т. Феномен Будинку: культурні смисли та моральні домагання повсякденного побутування. Стаття присвячена аналізу Будинку як соціокультурного явища, що втілює в собі єдність антропологічного, утилітарно-прагматичного і морально-етичного. Показано, що Будинок був і залишається основою для культивування повсякденного побутування людини. Він являє собою ту незамінну основу, на якій, з моменту його виникнення, розгортається життя сім'ї, відбувається реалізація основних потреб і переживань людей (спорідненість, ностальгія, гостинність, творчі шукання). Представлений аналіз повсякденності як модусу проживання людиною свого власного життя через порівняння

зі святковими і екстремальними ситуаціями як її відносними протилежностями. Показано, що будинок в прямому і метафоричному значенні конститує повсякденність, транслює аксіологіку, виступаючи в соціокультурній реальності одночасно і комунікатором, і регулятором поведінки людей. Дана інтерпретація «створення» будинку в персональному архітектурному проекті, зокрема «Будинку з химерами» В. Городецького, «найпрекраснішого будинку в Америці» Т. Джефферсона і будинку-музею М. Волошина.

Ключові слова: феномен Будинку, соціокультурна реальність, духовно-практичні детермінанти Будинку, повсякденне побутування людей.

Protsenko O., Muradjan T. Phenomenon of Home: sociocultural and moral aspirations of everyday existence.

The article is meant to analyze home as a sociocultural phenomenon which embodies the unity of anthropologic, pragmatic, and moral-ethical aspects.

The extent of previous research of the topic denotes a great interest of philosophers, culture experts, and historian-ethnographers in it. First of all, these are theorists of modern western philosophy and culture such as P. Bourdieu, C. Geertz, Yu. Lotman, W. Warner, and O. Spengler. In their studies the phenomenon of Home is represented as a host of the sign-and-symbol concepts preserving as history and culture, so knowledge about skills necessary in everyday life. Some researchers pointed at the communicative aspect of Home as an organisation which preserves and communicates various types of information, namely religious, ethnographic, and linguistic ones. These researchers are B. Waldenfels and E. Levinas, M. Buber and P. Florensky, R. Barthes and F. Müller. As for the national representatives of philosophical and cultural knowledge who have contributed into understanding of the phenomenon of Home, these are O. Dolskaya (the semiotic aspect), S. Krymsky (the cultural aspect), and A. Filonenko (the religious aspect). The results of the research have determined the objective of the article which is to reveal spiritual and practical determinants of Home in people's everyday existence.

Given that the modern society imposes the priority of consumption, significance of the phenomenon of Home in organising people's everyday life has considerably increased. If we consider everyday life as "a certain sphere and way of life" [B. Waldenfels], it appears as a time-and-space field which a man creates around themselves and where they, in a while, perform their vital activities. Everyday life involves structuring and filling of a subject-thing environment, establishing certain relationships, connections, and contacts; it observes traditions, respects morality, and creates patterns of actions and behaviour. It is everyday life that brings into a man's life meaning, purpose and duration of their existence. M. Heidegger believes that a man always stays "in common and easily accessible". They stay there "when the question is about initial and ultimate", as well as "when they are going to expand, alter, and re-explore and finally enshrine the sphere of revelation of all things existent in various areas of both their activity and abilities".

Both cultural implications and moral judgments are born due to the influence of routine, they are not

formed themselves, neither they are formed thanks to a man's efforts. They are induced by the factors firmly established in the society, as well as by proximate circumstances which are connected to their Home in both literal and metaphoric senses.

The article shows that Home was and has been the foundation for cultivating a man's everyday existence. Home represents the essential foundation where a family's life takes place since it has been created; it is the arena where a man's satisfies their needs, as well as they live their emotions and feelings (relationship, home-sickness, hospitality, creative ideas). The article also analyses everyday routine as a mode of a man's living their own lives by comparing it with holiday and extreme situations taken as its relative contrasts. The authors prove that Home as sets up the everyday routine, so communicates the axiology. Thus, in sociocultural reality Home is a communicator and at the same time a regulator of people's behaviour. The articles gives an interpretation of "creating" a home in a personalized architectural project, namely V. Gorodetsky's "house with chimeras", T. Jefferson's "the most beautiful house in America", and M. Voloshin's house-museum. Home which embodies joy of being in a relationship and relaxed existence has just an incredible attractive power. It brings about an unslakable desire to return, if a man has left for another place. In this sense Home appears to be more than just home. It is associated with one's motherland and home-sickness. Although being a rather painful feeling, the latter is able to cause a romantic mood and account for a poem, story, melody or a fascinating landscape. However, in the modern society homesickness is no longer that strong as a result of expanding of cultural media space (mass media, advertising) and total movement of people due to travelling, tourism, or even search for a better life. Today the World, the Universe are considered to be a common Home and everything is familiar and universal here.

Having analysed the connection of Home with a man's everyday existence, the authors conclude that both the first and the latter have a strong correlation as in the ontological, so in the anthropological senses, namely Home with its routine and routine at Home. With its materialized visualization Home preserves the world of unique man's practice, spiritual culture which has been kept for centuries. Unlike impersonal real estate, Home shows to the world an on-going sociocultural reality of the social life which is getting more and more complicated.

Keywords: *phenomenon of Home, sociocultural reality, spiritual and practical determinants of Home, everyday existence of people.*

Постановка проблеми. В условиях, которые диктует современное общество, утверждая приоритет потребления, актуальность феномена Дома в устройстве и организации повседневности значительно возрастает. Если исходить из понимания повседневности как «определенной сферы и способа жизни» (Б. Вальденфельс), то это есть некое пространственно-временное поле, которое человек образует вокруг себя и в котором затем осуществляет свою жизнедеятельность. Повседневность включает в себя структурирование и наполнение предмет-

но-вещной среды, установление отношений, связей, контактов, бдит традиции, чтит устои, создает модули поступков и действий. Ею привносится в жизнь отдельного человека смысл, назначение, протяженность всей его бытийственности. По мнению М. Хайдеггера, человек всегда остается «в обыкновенном и легкодоступном». Он остается в нем и тогда, «когда речь идет о первоначальном и конечном», и тогда, «когда собирается расширить, изменить и вновь освоить и закрепить сферу обнаружения сущего в самых различных областях своей деятельности и своих возможностей». При этом, — как подчеркивает философ, — человек руководствуется «указаниями, которые определяются кругом повседневных намерений и потребностей» [6: 22].

Актуальность обозначенной темы состоит в том, что культурные смыслы и моральные притязания, рождающиеся у людей под влиянием повседневного, складываются не сами по себе и не только в связи с усилиями, происходящими от самого человека. Они складываются под воздействием устоявшихся в обществе факторов, сложившихся условий, непосредственно и нерасторжимо связанных с его домом и в прямом, и в метафорическом смысле этого слова.

Анализ последних исследований и публикаций. Степень разработанности обозначенной в статье темы свидетельствует об устойчивом интересе к ней философов, культурологов, историков-этнографов. К ним можно, прежде всего, причислить таких теоретиков современной западной философии и культуры как П. Бурдьё, К. Гирц, Ю. Лотман, У. Уорнер, О. Шпенглер. В их исследованиях феномен дома предстает как вместилище знаково-символических смыслов, хранящих историю, культуру, навыки повседневной жизни. На коммуникативный аспект устройства дома, хранящего и транслирующего различного рода информацию (религиозного, этнографического, лингвистического характера) указывали Б. Вальденфельс и Э. Левинас, М. Бубер и П. Флоренский, Р. Барт и М. Мюллер. Среди отечественных представителей философского и культурологического знания заметный вклад в разработку проблем феномена дома в разных аспектах и направлениях внесли О. Дольская (семиотический), С. Крымский (культурологический), А. Филоненко (религиозный). Имеющиеся результаты исследования определили **цель статьи:** раскрыть духовно-практические детерминанты дома в устройстве повседневного бытования людей.

Изложение основных результатов исследования. Повседневное противостоит неповседневному как эксклюзивному, в котором утрачивается однозначность, полезность, последовательность. Особое место в прорыве из повседневного занимает праздник. Праздник, в отличие от будней, возвышается над повседневным, благодаря особому конструированию и декорированию социальных процессов. В празднике происходит и снятие

запретов на некоторую активность его участников. Вольность как разновидность свободы снимает официальный тон, устраняет односторонность и догматизм каждодневности. Характеризуя карнавал в широком смысле, М. М. Бахтин в своей работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» подчеркивал, что такой род праздника, как, впрочем, и любой другой, позволяет взглянуть по-новому, без страха, без благоговения, абсолютно критически, но в то же время и без нигилизма. Однако как только феномен праздника получает повтор, рефрен, он утрачивает, теряет свое назначение, уходя с авансены жизнедеятельности совсем или становясь рядовым фрагментом повседневности.

Противостоит повседневности и экстремальность, которая выявляет и обособляет события как неординарные вследствие их особой сложности, значимости, судьбоносности. Не случайно в своих философско-литературных трудах «Стена», «Комната» и др. Ж. П. Сартр обращается к переживанию героя, оказавшегося в ситуации, радикально меняющей весь строй его жизни. Такие ситуации становятся индикаторами в обнаружении собственно человеческого в привычном строе повседневности.

Ситуация выбора линии поведения в процессе устройства каждодневного бытования человека, суженная до альтернативы «либо—либо», есть одновременно смысл и абсурд его индивидуальной повседневности. Такая альтернативность рождает абсурд и мешает абсурдному человеку создавать повседневность, способствует разрушению повседневности с ее поступательностью, упорядоченностью, размеренностью. Согласно А. Камю, а именно он вывел и обосновал тип абсурдного человека, последний «отдает предпочтение своему мужеству и своей способности суждения», благодаря чему, разрушая имеющиеся фрагменты повседневности, созидает другие, не заботясь об одобрении их или осуждении со стороны других. «Итогом поисков абсурдного ума оказываются не правила этики, а живые примеры, доносящие до нас дыхание человеческого жизни» [3: 61], — заключает А. Камю.

В обществе потребления повседневность способна обернуться псевдособытием, его моделями, конструктами и кодами. Однако это не фальсификация и не искажение подлинного «содержания». Это неореальность, которая создается современной жизнью как дополнение к исконно существующей реальности, меняющейся повседневности.

Конституирующую роль в формировании повседневности и создании ее культурных проявлений играет Дом. Он изначален в бытийственности людей. Именно Дом предстает как способ воспроизводства жизненных сил человека, продления и облегчения его собственно человеческого существования, исходя из первичных потребностей, таких как есть, пить, создавать одежду, утварь и т. д. Об этом свидетельствует универсальная форма

дома, которая, по словам О. Шпенглера, «обладает такой же внутренней необходимостью, как раковина моллюска, как пчелиный улей, как птичьи гнезда, и каждая черта первоначальных обычаев и форм существования брачной и семейной жизни, племенного распорядка — все это находится в плане и его главных помещениях...» [7: 23].

Что есть дом при первом приближении к его рассмотрению? Это просто специально организованное замкнутое пространство с вполне определенной целью создания жизненно важных условий для существования человека. Дальше он, дом, обретает в своей необходимой достаточности контекст в виде системы социокультурных смыслов и ценностей. Аксиологическая сфера дома понятна в связи с употреблением самого слова «дом» в прямом и метафорическом смысле.

В прямом своем значении слово «дом» есть строение с определенным образом организованной жизнью и общением представителей рода, клана, фамилии, персоны, где присутствуют устойчивые обычаи, нравы, правила поведения и общения. Как производные факторы бытового уклада, они способствуют навыкам труда и досуга, интересам и приоритетам, примером чего может служить «Домострой». В таком доме «ясно и отчетливо пролегает граница между двумя мирами: **миром самовыражения** души и миром выразительного **языка**, обращенного глазу» [7: 23]. В метафорическом значении слово «дом» используется для того, чтобы указать на то или иное объединение, сообщество, содружество людей на основе общей идеи, интереса (Дом актера, Дом ученых). Нередко Домом называют социальный институт, как некое пристанище (казенный дом), где люди связаны событием, судьбой. Здесь присутствует другой принцип организации повседневности: в таких домах не живут, а пребывают, проводят время. Это только подражание дому, некая условность, а не подлинный дом с его универсальной повседневностью, «который имеет статус микрокосмоса в опрокинутом виде, уменьшенный образ мира...» [2: 517].

Дом можно рассматривать как основополагающую реалию в жизни человека и наиболее значимое проявление его культурной деятельности. Домостроительство в широком смысле слова связано становлением патриархальной семьи. Здесь выкристаллизовываются культурные смыслы собственно человеческого взаимодействия: рождаются морально-этические и воспитательно-образовательные детерминанты, ролевое многообразие и адаптация к нему, виды хозяйственной деятельности и прочее, что способствует не только продолжению рода, но и его дальнейшему существованию. Организация дома противопоставляет частную жизнь — общественной, интимную — публичной, обыденную — сакральной. Она призвана оберегать, сохранять, дистанцироваться от другого, чужого, враждебного. Философствуя по поводу предназначения

*Усадьба Волошина М.,
Коктебель, Крым,
Украина*

*Усадьба
Т. Джефферсона,
штат Вирджиния,
США*

*Дом с химерами,
г. Киев, Украина*

Дома, В. В. Розанов советует: «Крепче затворяй двери дома, чтобы не надуло. Не открывай ее часто. И не выходи на улицу. Не сходи с лестницы своего дома — там зло. Дальше дома уже зло, потому что дальше равнодушные [5: 524]». Вряд ли можно согласиться с такими категоричными суждениями, поскольку именно повседневное пространство дома оригинально и неоднозначно объединяет указанные противоречивые тенденции его социокультурной заданности.

Дом воплощает в себе неразрывное единство внутреннего и внешнего. Внутреннее представляет собой чистую функциональность, а внешнее визуализирует ее, придает видимые (зрительные и осязаемые) очертания. Соотношение содержания и формы в таком единстве далеко не однозначны. Остановимся на «игре» формы, на ее постоянном стремлении к высвобождению от содержания, которое в случае с домом выражается в архитектурном творчестве, создании персонального проекта.

Дом был задуман Волошиным, главным образом, для отдыха и вдохновения. Он виделся поэтому бескорыстным, свободным от тенденциозной утилитарности. Постепенно такой дом превратился в уютное пространство, объединяющее единомышленников, стал пристанищем творческих людей, отличающихся высокой духовной деятельностью, дисциплиной труда, подвижничеством, деликатностью общения, собственной философией жизни, выведенной О. Манделштамом в лаконичной стихотворной форме: «... если ты ничтожным озачобен, твой жребий жалок и твой дом не прочен». Прочность Дома М. Волошина была обусловлена ценностными предпочтениями самого хозяина, далеко выходящими за пределы здравого смысла: расточительным и неограниченным гостеприимством, искренней и преданной дружбой, глубоким пониманием творческой личности и уважения к ней и бескорыстным служением всему возвышенному. Повседневное бытование жителей Дома поэта было пронизано высоким романтизмом. Здесь в снятом виде присутствовал дух, не оскорбленный никаким материальным призывом. Трудно представить, как воспроизводилась бытовая сторона жизни гостей и хозяев с ее первичными потребностями. Она, безусловно, имела место, но не была культом, а только естественной «заботой о себе» (М. Фуко). Нашлись люди, которые помогали по кухне. И даже сама кухня обретала вспомогательный коммуникативный статус, становилась «вторым центром Дома: там заканчивались разговоры, начатые за общим столом, выносились характеристики, возникали анекдоты и эпиграммы» (В. Купченко «Странствия Максимилиана Волошина»).

Волошин не просто строит дом, он создает Дом, олицетворяющий жизненные принципы своего хозяина, его смысл и стиль жизни — Дом как микрокосмос, единый, целостный, нерушимый. «Я принял жизнь и этот дом как дар нечаянный — мне

вверенный судьбою, как знак, что я усыновлен землею», — говорит Волошин в своем стихотворении «Дом». Такой Дом противостоит домам исходным и тривиальным, выполняющим не предназначение, а прямое назначение здесь и сейчас. Как удачно подмечает Л. Облова, «Дом поэта стал истинной мерой. Поэтому М. Волошину удалось проявить себя личностью в самой обыденной ситуации. Не в стихах или картинах, а в доме» [4: 133].

В творческом порыве создания Дома Волошин не один. Можно вспомнить и другие Дома, которые также стали местами паломничества и интерпретаций различного толка. Например, это дом, который построил Т. Джефферсон, третий президент Соединенных Штатов, и который имеет репутацию самого прекрасного дома в Америке. Он воплотил идею, «какой должна быть нация и какими правилами должно управляться идеальное общество» [1: 92]. Однако в этом доме отсутствовало повседневное бытование его обитателей. Да и самих обитателей как таковых не было, даже посещение дома самим хозяином было не принципиальным. Из этого дома он разве что управлял своими плантациями, в чем и преуспел.

Другой культурный контекст — у так называемого Дома с химерами в Киеве, построенного архитектором В. Городецким. В создании этого дома воплотился дерзкий замысел архитектора, хотя дом предназначался для блага семьи в первую очередь. В нем архитектор мечтал прожить счастливо с детьми и внуками, чего так и не случилось. Идеальный замысел создать дом-игрушку, напоминавший таинственный замок в опасном и непригодном месте, как вызов обществу и возможностям архитектуры того времени, не укрепил супружеских уз, не сохранил семью.

И в первом, и во втором случае имело место расхождение между содержанием и формой строений, это, на наш взгляд, справедливо подметил О. Шпенглер, утверждая, что есть строения, которые обладают стилем, и есть строения, жители которого обладают стилем [7: 25].

Дом, воплощающий в себе радость родства, спокойного пребывания, имеет невероятную силу притяжения — и неутолимую жажду возвращения в случае расставания с ним. В этом смысле дом выступает больше, чем просто дом. Он ассоциируется с родиной и связан с тоской по ней. Ностальгия как до боли сильное чувство привязанности к своему родному дому способна вызвать особый романтический настрой и вылиться пронзительным стихом, рассказом, мелодией, пленительным пейзажем. Однако в современном обществе в результате расширения пространства культурных коммуникаций (СМИ, рекламы) и тотального перемещения людей за счет путешествий, туризма, да и вообще поиска лучшей жизни, ностальгия теряет свой градус напряжения. Теперь Мир, Вселенная воспринимается как общий единый Дом, где все узнаваемо, похоже, универсально.

Если проследить в анализе феномена Дома его связь с повседневным бытованием человека, становится очевидным, что как в онтологическом, так и в антропологическом смысле они составляют устойчивую взаимозависимость: Дом с повседневностью, повседневность в Доме. В своей материализованной наглядности Дом хранит мир уникальной практики людей, веками накопленного опыта духовной культуры. Он, в отличие от безликой, непсонифицированной недвижимости, всякий раз являет миру непрерывную, все усложняющуюся социокультурную реальность общественной жизни.

Литература:

1. Беллентайн Э. Архитектура. Очень краткое введение [Текст] / Эндрю Беллентайн; пер. с англ. — М.: Астрель: АСТ, 2009. — 192 с.
2. Бурдьё П. Практический смысл [Текст] / Пьер Бурдьё; пер. с фр. — СПб.: Алетейя, 2001. — 562 с. — («Gallicinium»).
3. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство [Текст] / А. Камю; пер. с фр. — М.: Политиздат, 1990. — 415 с.
4. Облова Л. А. Имение места. Опыт Максимилиана Волошина / Л. А. Облова // XVI Волошинские чтения: сб. науч. статей. — Симферополь: Антиква, 2013.
5. Розанов В. В. Опавшие листья. Короб второй [Текст] / В. В. Розанов // Сочинения в 2 т. — М.: Правда, 1990. — Т. 2.

6. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник / М. Хайдеггер; пер. с нем. — М.: Высш. шк., 1991. — 192 с. — (Библиотека философа).
7. Шпенглер О. Закат Европы [Текст] / О. Шпенглер // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в совр. об-ве. — М.: Политиздат, 1991. — 366 с.

References:

1. Bellentayn E. Arhitektura. Ochen kratkoe vvedenie [Tekst] / Endryu Bellentayn; per. s angl. — M.: Astrel: AST, 2009. — 192 s.
2. Burde P. Prakticheskiy smysl [Tekst] / Per Burde; per s fr. — SPb.: Aleteyya, 2001. — 562 s. — («Gallicinium»).
3. Kamyu A. Buntuyuschiy chelovek. Filosofiya. Politika. Iskustvo [Tekst] / A. Kamyu; per s fr. — M.: Politizdat, 1990. — 415 s.
4. Oblova L. A. Imenie mesta. Opyit Maksimiliana Voloshina / L. A. Oblova // XVI Voloshinskie chteniya: sb. nauch. statey. — Simferopol: Antikva, 2013.
5. Rozanov V. V. Opavshie listya. Korob vtoroy [Tekst] / V. V. Rozanov // Sochineniya v 2 t. — M.: Pravda, 1990. — T. 2.
6. Haydegger M. Razgovor na proselochnoy doroge: Sbornik / M. Haydegger; per. s nem. — M.: Vyissh. shk., 1991. — 192 s. — (Biblioteka filosofa).
7. Shpengler O. Zakat Evropyi [Tekst] / O. Shpengler // Samosoznanie evropeyskoy kulturyi XX veka: Myisliteli i pisateli Zapada o meste kulturyi v sovr. ob-ve. — M.: Politizdat, 1991. — 366 s.